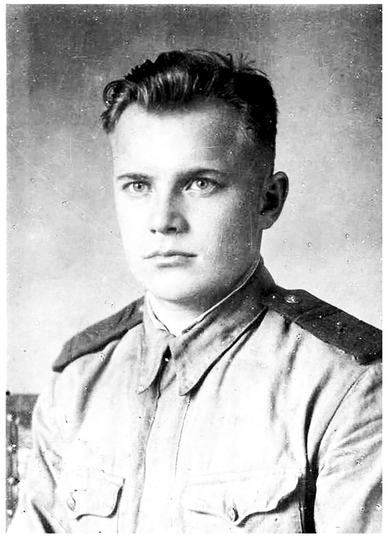
«Вот и шли точки-тире от армейских штатов в Москву...»

Дата. В конце октября в России отмечался День военного связиста. Это праздник российских военных связистов: военнослужащих и гражданских служащих воинских формирований связи во всех видах и родах войск Вооружённых Сил России, в структурах спецслужб, в военизированных организациях

Пахтусов Григорий.

Пахтусов Григорий в молодости.

Ходусова Анна в молодости.

Ходусова Анна Андреевна.

Болотова (Карасёва) Александра Николаевна

Карасёва Александра вернулась домой в 45-м.

ЕЛЕНА **РЕННЕР**

И я хочу рассказать о наших земляках, которые служили связистами в годы Великой Отечественной войны.

На языке Морзе

Григорий Пахтусов до войны окончил Бирское педагогическое училище, преподавал русский и литературу в селе Хорошаево Байкибашевского района Башкортостана. В январе 1942 года Григория призвали в запасной полк связи под Бузулуком (Оренбургская область). Короткий курс обучения – и в действующую армию, на московское направление под город Клин.

В составе из шести вагонов с радиостанцией на платформе и пятью вагонами охраны с автоматами и пулемётами в качестве радиста прошёл всю войну сержант Григорий Пахтусов.

Из воспоминаний Григория Васильевича: «На службу в состав фронтовой радиостанции из всего полка нас, как самых успешных, взяли первыми. Непосредственно радистов было трое: старшина Костенич из Белоруссии, сержант Сопитько с Украины. Звали его, как и меня, Григорий. А командовал нами капитан Филатов Глеб Аркадьевич. Передавали телеграммы, сообщения азбукой Морзе. На ключе лучше всех работал Костенич. Он успевал за минуту передать 18 телеграмм. Мой предел – 12.

Фронтовая радиостанция предназначена для передачи зашифрованной или кодовой информации. Враг, если перехватит, не расшифрует. Поймёт только тот, кому она предназначалась. Вот и шли точки-тире от армейских штатов в Москву, а оттуда, опять-таки через отделение капитана Филатова, в войска.

Попутно военные радисты с помощью глушилок, вмешиваясь в радиосвязь, сбивали с толку вражеские самолёты. Пилоты люфтваффе *(название германских военно-воздушных сил в составах Рейхсвера, Вермахта и Бундесвера)*, потеряв ориентировку, сбрасывали бомбы куда попало, нередко по своим.

Старались и немецкие радисты перебивать нашу радиостанцию. Вот только без особых хитростей. Помехи включались в виде шума, скрежета, монотонного постукивания, а я примитива не переносил. Человек я музыкальный, даже на фронт взял с собой гитару, а в мирное время играл едва ли не на всех инструментах (на гармошке, гитаре, мандолине, балалайке и т.д.). Мне и сейчас дочь Нина нетнет да и поставит на колени старенький баян, чтобы пальцы поразмял. А тогда, в 1943-м, выйдя на радиочастоты бомбардировщиков противника, я врубал им… «Валенки» Лидии Руслановой! У нас был патефон с набором пластинок. Вот мы и немцев радовали. Пусть лучше русскую певицу слушают, чем бомбы на нас бросают.

Можно себе представить состояние асов Геринга, когда вместо позывных, указывающих, куда лететь и кого бомбить, в наушниках звучал мощный, полный непобедимой силы голос. И пусть немцы не понимали слов, но и без перевода становилось ясно: такой голос и такой народ не сломить!

На неприметный наш эшелон устраивалась самая настоящая охота. Прорвавшихся диверсантов отсекал взвод охраны, за автоматы приходилось браться и самим радистам. Но вот защиты от налетевших бомбардировщиков не было никакой. В соседний лесок от налёта не спрячешься: не позволено сбегать с боевого поста – сочтут за дезертирство. Оставалось нырять под состав и гадать: пронесёт, не пронесёт.

Лежал я однажды во время бомбёжки под вагоном, слушал, как осколки цвиркали, один буквально мимо носа пролетел…

После налёта Костенич и Сопитько притащили из вагона линейку, заставили меня лечь туда под вагон, где лежал во время бомбежки, и замерили расстояние между моим носом и… тормозной буксой, на которой оставил след осколок бомбы. Оказалось ровно пять сантиметров! Стресс от пережитого надо было чем-то снимать. Тогда я брал в руки гитару. И тут уж «валенки» уступали место романсу «Про Маритану», который мне нравился. Теперь, спустя столько лет, слова позабыл, а припев помню: «О, Маритана, моя Маритана, я никогда, никогда не забуду тебя…».

Письма с фронта

Войну Григорий Пахтусов закончил в Югославии. Запомнил на всю жизнь, как радушно встречали советских бойцов жители Белграда. Они называли наших солдат-освободителей «братушками» и несли к поезду бутылки домашнего вина и гостинцы.

Домой Григорий Васильевич был демобилизован в декабре 1945 года, вернулся в Башкирию, в свою школу, где его ждали ученики и жена Лидия Ивановна, работавшая здесь же учителем начальных классов.

Вскоре руководством района Пахтусов был назначен директором школы, в которой и проработал после войны тринадцать лет.

Григорий Васильевич много учился, заочно окончил учительский институт в Уфе, затем педагогический институт в Челябинске.

45 лет отдал он делу обучения и воспитанию подрастающего поколения, 13 лет проработал в школе, будучи уже на пенсии.

Боевое «крещение»

Анна Андреевна Ходусова была мобилизована в ряды Красной Армии в мае 1942 года. В г. Фрунзе (столица Киргизии с 1926 по 1991 г.г.) молоденькая учительница русского языка и литературы окончила ускоренные курсы младших авиаспециалистов (курсантов учили азбуке Морзе, разбирать и собирать радиостанции). Вместо положенных трёх лет управилась за пять месяцев.

И вот Анна – радист в роте ЗОС (земное обслуживание самолетовождения) авиаполка шестой воздушной Армии на Северо-Западном фронте. Служба радисток в военное время была неоценима. Они держали связь с улетающими на боевые задания самолётами, а когда нужно было, связывались со штабом Армии, передавали приказы командования на передовую.

Первое боевое крещение Анна получила в боях под Куйбышевым. В то время она была уже в звании сержанта и назначена начальником команды радиостанции.

В 1944 году полк перебросили на 2-ой Белорусский фронт. Весной этого года в ходе Великой Отечественной войны открылся период решающих побед над фашистами.

Перед Советскими вооруженными силами стояли задачи – изгнать врага за пределы СССР, перенести военные действия на территорию Германии, сокрушить её военную мощь, добиться окончательной капитуляции фашистского режима и освободить народы стран Европы от гитлеровской тирании.

Из воспоминаний Анны Андреевны Ходусовой: «С самого начала весны 44-го года шли интенсивные наступления Советской Армии. Фашисты отступали, неся большие потери в технике и живой силе. Они, обозлённые своими неудачами, всё уничтожали при отступлении, видимо, ещё на что-то надеялись.

Помню 16 апреля 1944 года. Город Сарны на Западной Украине. Днём над нашими позициями пролетает «рама», разбрасывая листовки. Текст в них один: «Угостим вас крашеными яйцами!» (в этот день православные христиане отмечали праздник Пасхи). Через несколько часов в небе появились бомбардировщики со свастикой. Много самолётов налетело на город, их было больше, чем наших, завязалась жестокая битва.

Я в это время была на связи с нашими самолётами. Такого ужаса я за всю жизнь не испытывала. Вокруг взрывы, летят осколки, а я не могу радиостанцию бросить. От взрывных волн крошатся обломки стёкол, секут лицо, ним. Все что только может быть здесь, со мною из этого дорогого, оно здесь мою жизнь радует, зовёт в счастливое будущее.

Так и сегодня я вместе с миллионами соотечественников на Родине отмечаю день когда-то так любимого Грибоедова, хотя своеобразно, по радио слушаю «Горе от ума», каждое действие которой транслируется из различных театров нашего Союза. Слушал также выступление сегодня Ильи Эренбурга в передаче для Красной Армии. Я его статьи люблю за их оригинальность, за их силу. Но сегодня выступал ещё оригинальнее, ещё увереннее, захватывая все чувства в свои мысли. Советую, если не слышала по радио, прочитать и написать своё впечатление.

Твоих писем, Лидок, я ещё не получал, да и ещё не мог получать, судя по времени и по расстоянию, разделяющему нас с тобою, милая. Как говорил Эренбург «Солдаты думают о доме, и поэтому еще дальше уходят от дома – на Берлин». Чем дальше мы будем от дома, тем скорее мы вернемся к нему, это правда. Хорошо, если ты получаешь регулярно мои письма. Я думаю это так.

Вчера ходил в кинотеатр. Смотрел «Разгром немцев под Москвой», но знаешь, с каким интересом смотрят сербы, с какими аплодисментами встречают каждый новый кадр фильма! Это всеобщий восторг! А какое число зрителей! Вместительный театр, не смог принять и двух трети.

В основном, дорогая, в моей жизни изменений нет, живу как всегда...».

Из армии Григорий Васильевич был демобилизован в декабре 1945 года, вернулся в Башкирию, в свою школу, где его ждали ученики и жена Лидия Ивановна, работавшая здесь же учителем начальных классов.

Вскоре руководством района Пахтусов был назначен директором школы, в которой и проработал после войны тринадцать лет.

Григорий Васильевич много учился, заочно окончил учительский институт в Уфе, затем педагогический институт в Челябинске.

45 лет отдал он делу обучения и воспитанию подрастающего поколения, 13 лет проработал в школе, будучи уже на пенсии.

Боевое «крещение»

Анна Андреевна Ходусова была мобилизована в ряды Красной Армии в мае 1942 года. В г. Фрунзе (столица Киргизии с 1926 по 1991 г.г.) молоденькая учительница русского языка и литературы окончила ускоренные курсы младших авиаспециалистов (курсантов учили азбуке Морзе, разбирать и собирать радиостанции). Вместо положенных трёх лет управилась за пять месяцев.

И вот Анна – радист в роте ЗОС (земное обслуживание самолетовождения) авиаполка шестой воздушной Армии на Северо-Западном фронте. Служба радисток в военное время была неоценима. Они держали связь с улетающими на боевые задания самолётами, а когда нужно было, связывались со штабом Армии, передавали приказы командования на передовую.

Первое боевое крещение Анна получила в боях под Куйбышевым. В то время она была уже в звании сержанта и назначена начальником команды радиостанции.

В 1944 году полк перебросили на 2-ой Белорусский фронт. Весной этого года в ходе Великой Отечественной войны открылся период решающих побед над фашистами.

Перед Советскими вооруженными силами стояли задачи – изгнать врага за пределы СССР, перенести военные действия на территорию Германии, сокрушить её военную мощь, добиться окончательной капитуляции фашистского режима и освободить народы стран Европы от гитлеровской тирании.

Из воспоминаний Анны Андреевны Ходусовой: «С самого начала весны 44-го года шли интенсивные наступления Советской Армии. Фашисты отступали, неся большие потери в технике и живой силе. Они, обозлённые своими неудачами, всё уничтожали при отступлении, видимо, ещё на что-то надеялись.

Помню 16 апреля 1944 года. Город Сарны на Западной Украине. Днём над нашими позициями пролетает «рама», разбрасывая листовки. Текст в них один: «Угостим вас крашеными яйцами!» (в этот день православные христиане отмечали праздник Пасхи). Через несколько часов в небе появились бомбардировщики со свастикой. Много самолётов налетело на город, их было больше, чем наших, завязалась жестокая битва.

Я в это время была на связи с нашими самолётами. Такого ужаса я за всю жизнь не испытывала. Вокруг взрывы, летят осколки, а я не могу радиостанцию бросить. От взрывных волн крошатся обломки стёкол, секут лицо, ноги. А рука на ключе – поддерживаю связь с самолётами. «Полуторка», в которой была смонтирована моя РСБ, *(РСБ - модернизированная в первые месяцы войны радиостанция самолёта-бомбардировщика, размещённая в фургоне автомобиля. Дальность её связи достигала 300-1500 км в зависимости от типа антенны и режима работы. В ней применялся чувствительный супергетеродинный приёмник и передатчик с кварцевой стабилизацией частоты)* была пробита осколками. Моя жизнь и всей моей команды висела на волоске, в любую секунду она могла бы оборваться. Но к счастью вся команда нашей радиостанции уцелела.

Бой длился долго: казалось, что ему не будет конца. Вижу, бежит старший лейтенант Бабич. Кричит: «Сержант, бросай связь, она уже ничем не поможет!» Атака была отбита. Фашисты отступили… Мы выскочили из машины и обомлели: от города ничего не осталось. Все дома разрушены! Уцелели только те, что стояли в лесу. Это было неописуемое зрелище… Трупами людей были устланы улицы. Перед началом боя уцелевшие горожане пытались спастись, бежали в лес, но фашисты с бреющего полёта убивали ни в чём неповинных людей – стариков, детей… Мы бросились разыскивать командира эскадрильи Райзмана. Нашли в больнице. Лежит седой, как лунь, с уже ампутированной ногой.

Как-то наша «полуторка» выехала на окраину села, спустилась в овраг. Здесь и развернули радиостанцию. Смотрю я на моих помощников. И тут и из крайнего дома идёт, пошатываясь, механик Гаврилов. Ты чего, кричу ему, еле тащишься? Работать надо! А у него лицо белое и глаза странные. Иди, говорит, взгляни сама. Побежала… Издали вижу, как у плетня неподвижно стоит женщина с опущенной головой. Подошла поближе… Держит она в руке ребёнка. А ребёнок… Колом к матери приколот! Это не фашисты творили, а бандеровцы, которым теперь памятники ставят, как освободителям Украины от большевизма.

Однажды заезжаем мы в деревню, часа через полтора после того, как немцы ушли из неё. Слышим стоны, как будто они из-под земли доносятся. Оказалось, фашисты расстреляли людей и закопали их в ров. Мы бросились раскапывать. Когда разрыли яму, нашли несколько человек раненых, и среди них – совершенно седого мальчика 14-15 лет…».

Много ещё горестных картин военных лет хранилось в памяти Анны Андреевны, о которых ей трудно было вспоминать и рассказывать, так как увиденное, услышанное, пережившее на фронте отразилось на её здоровье.

Но были и светлые мгновения на той чудовищной войне. Встретился Анне хороший человек, однополчанин Пётр Шабыкин. В Варшаве два учителя создали семью. Войну окончили в Польше, но домой приехали только седьмого мая 1946 года, так как весь первый послевоенный год продолжали служить, обучая поляков премудростям работы на радиостанциях.

Анна Андреевна работала в третьей школе преподавателем русского языка и литературы, постоянно была классным руководителем. Здесь же работал и её муж П. И. Шабыкин. Оба педагога пользовались большим авторитетом среди коллег, учащихся и их родителей.

В эшелоне только девушки

Александра Николаевна Болотова (Карасёва) в мае 1942 года ушла на фронт в порядке комсомольского призыва.

5 мая эшелон с девушками из Кыштыма, Кургана, Троицка, Карабаша, Уфалея отправился из Челябинска на Северо-Западный фронт. Вместе с Александрой Карасёвой были и девушки из Кыштыма – Валентина Глазкова, Вера Санникова, Ольга Крюкова и другие. В городе Боровичи прошли курс молодого бойца. Их распределили по батальонам, выдали в качестве обмундирования мужские брюки и гимнастёрки, а в придачу большие ботинки с обмотками. Поначалу девушки просто не узнавали друг друга, а потом привыкли, понимая, что дело не в одежде.

В 98-м отдельном батальоне ВНОС *(воздушное наблюдение, оповещение и связь)* Александра несла нелёгкую солдатскую службу. Сначала батальон охранял Октябрьскую железную дорогу. Девушки научились различать силуэты вражеских самолётов в воздухе, если была хорошая погода, а потом уж и по звуку отличать стали. Требовалось не пропустить ни одного вражеского самолёта. Все понимали всю серьёзность порученного дела: неправильно опознанные ими вражеские самолёты, промедление с оповещением об опасности нападения врага, стоило жизни людей.

Позднее Карасёва была направлена в 368-й отдельный дивизион радисток, в составе которого прошла от Бологое до Минска.

Город Минск лежал в руинах, переплетённых колючей проволокой, исполосованный окопами, загромождённый ДОТами и ДЗОТами, заселенный фашистскими газетами и разными бумагами, брошенными при поспешном бегстве. Люди ходили по руинам, по уцелевшим улицам осторожно, с оглядкой: город был начинён минами, бомбами, снарядами, смерть ещё подстерегала каждого, кто сделает шаг в сторону от указанных сапёрами тропинок. По такому городу в один из дней шла Александра и случайно встретилась с земляком, бывшим своим учителем Александром Павловичем Мироновым, служившим в штабе одной из частей чертёжником.

Многое пришлось повидать и пережить: бомбёжки, обстрелы, большие переходы. Изредка ночевали в землянке, утром смотрим - лежим рядом с мёртвыми... Мы когда заходили, думали об одном, скорее бы приткнуться куда-нибудь, ничего в темноте не видели, у нас даже фонаря не было. А я с детства мертвяков боюсь, закричала, конечно…

Как-то у моей подружки Берты Гафоновой плохо с сердцем стало, сознание уже потеряла, ничего не могли сделать… Я плакала над телом, трясла её и всё кричала: «Берта, Берта! Так нельзя! Как же я? Нам с тобой жить и жить ещё!». Она вдруг задышала…». *(После войны Берта Давыдовна жила в Киеве, часто вспоминала: «Меня ведь Шура тогда откричала, если б не она…).*

Вернулась А. Н. Карасёва домой в июле сорок пятого года. Домой пришла в разных сапогах, один свой, второй чужой. «Когда ночью нам объявили, что нас домой отправляют, я на радостях схватила сапоги, стала обуваться, да не не разобрала, что обуваю. Уж потом почувствовала, что сапоги то на мне разные. Чужой сапог был размера на два больше, мне-то велик, а вот как та девушка, которой мой второй сапог достался? Как она-то в сапоге меньшего размера добралась до дома?» – вспоминала Александра Николаевна.

Военное лихолетье не прошло бесследно для здоровья Александры – стало болеть сердце, расшатались нервы. Она очень боялась грозы, поскольку она напоминала ей артиллерийскую канонаду.

Работала А. Н. Болотова сначала в лагере для военнопленных, а потом в военкомате.